

Общие проблемы истории естествознания

С. С. ИЛИЗАРОВ

НАЧАЛА РУССКОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (обоснование в трудах Г. Ф. Миллера)

...историк всегда не к стати делает, если он повести своей не основывает на точной истине и неоспоримых доказательствах.

Г. Ф. Миллер
«О народах издревле в России обитавших»,
1773 г.

В статье показана основополагающая роль Г. Ф. Миллера в становлении в России научной литературы, в выработке первых исследовательских программ. В течение более чем 40-летней творческой жизни, в 1730–1770-е гг., этим ученым были заложены основы отечественной исторической науки, для которой обязательными стали строгое обоснование знания, приверженность принципу достоверности исторических реконструкций. От Миллера начинается устойчивая и непрерывная традиция отечественного источниковедения: предельное внимание к документу и осмыслению его природы. С тех пор научное сочинение на русском языке следует сохранять в основном до настоящего времени модели с обязательным обоснованием актуальности выполненного исследования, с публичной демонстрацией состава и содержания эмпирической базы, научно-справочного аппарата и т. д. На основании прямых высказываний ученого, изучения его исследований, выполненных им многочисленных археографических проектов, его роли в становлении и развитии русского научного языка и введения в обиход многих терминов и понятий, в данной работе опровергается распространенный взгляд на творчество Миллера как на чисто эмпирическое.

Ключевые слова: Г. Ф. Миллер, Россия, аргументация, доказательство, достоверность, исследовательские программы, научное произведение, история, источниковедение, археография.

Выдающийся математик, петербургский академик Христиан Гольдбах, выдвигая в 1735 г. проект написания истории Императорской академии наук, вслед за Цицероном провозглашал, что первая заповедь истории – «не смей говорить неправду, но и не убояться сказать правду»¹. Эти слова² могли бы

¹ Цит. по: Юшкевич А. П., Копелевич Ю. Х. Христиан Гольдбах. 1690–1764. М., 1983. С. 207.

² Текст выступления Гольдбаха был написан на латинском языке. В современном переводе этот важнейший для европейской историософии фрагмент из второй книги «Об ораторе» Цицерона выглядит следующим образом: «Кому же неизвестно, что первый закон истории – ни под каким видом не допускать лжи; затем – ни в коем случае не бояться правды; не допускать ни тени пристрастия, ни тени злобы. Эти основы, разумеется, известны всем; а саму постройку на этих основах образуют (курсив мой. – С. И.) содержание и изложение». (Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972. С. 142. Эти слова, ставшие аксиомой для европейской исторической науки, содержат определяющее смысловое значение и для данной

стать эпиграфом к данной статье, если бы Гольдбах разъяснил, каким образом доказывается правда, а коль скоро речь шла о создании историко-научного труда, то каким образом обосновывается истинность исторического знания. В значительной мере ответ на этот вопрос содержится в трудах его коллеги по Академии наук и, в определенной мере, духовного наследника³ – Герарда Фридриха Миллера, чей юбилей относительно широко был отмечен в 2005 г.⁴

О Миллере и его вкладе в развитие источниковедения (а именно в этой плоскости происходили начальное формирование в России основ исторической науки и выработка ее методов) писали не раз. Более того, именно его бесспорный и выдающийся вклад в создание и накопление источниковой базы российской истории считается главным и чуть ли не единственным достижением этого ученого. По крайней мере даже самые жесткие критики Миллера не могли не отметить его роли в сохранении сибирских архивов. Идущее еще от А. Л. Шлецера умышленное преувеличение эмпиризма Миллера и последующее «непрочтение» многих его трудов повлияли на то, что основатель русской исторической науки был причислен к числу отечественных историков, чуждых рефлексии, т. е. его научное творчество объявлялось лишенным философско-исторических и теоретических обоснований.

В последние несколько лет при подготовке к изданию тома сочинений Миллера мне пришлось еще раз их внимательно перечитать, вновь заново открывая для себя творчество этого неутомимого и разностороннего исследователя. Полагаю, что мне удалось увидеть характерную последовательность, с которой ученый, созидавая русскую историю, обосновывал принципы научности исторического труда⁵. Большинство произведений Миллера содержат в том или ином объеме авторские обоснования актуальности выполненного им исследования, логические и источниковедческие обоснования процедур и альтернатив при принятии решений, утверждений и выводов относительно изучаемого прошлого. Поскольку все это напрямую касается более обширной темы – изучения творческой лаборатории ученого и методов, применявшихся им при исследовании, то здесь достаточно ограничиться рассмотрением наиболее выразительных высказываний Миллера, рассеянных по его произведениям. Поскольку в настоящее время уже нет необходимости останавливаться на деталях биографии Миллера, в данной работе я больше внимания уделю соответствующим результатам его творчества, а не процессу их получения.

Миллер – исследователь, о котором, кажется, известно практически все. Его биография так фундаментально подкреплена источниками (в том числе

статьи. Именно к этому «основному историческому закону» как к последнему аргументу будет прибегать Миллер в бескомпромиссной мартовской дискуссии 1750 г. с М. В. Ломоносовым. См.: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 68.

³ Об их взаимоотношениях много написано самим Миллером в его «Истории Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге». См. также: *Юшкевич, Копелевич.* Христиан Гольдбах...

⁴ *Мокрова М. В.* Празднование 300-летнего юбилея академика Г. Ф. Миллера // ВИАТ. 2006. № 2. С. 177–183; *Мокрова М. В.* Научная конференция «Академик Г. Ф. Миллер – ученый-энциклопедист (К 300-летию со дня рождения)» // Археографический ежегодник за 2005 год. М., 2007. С. 555–556.

⁵ *Миллер Г. Ф.* Избранные труды / Сост., статья, примеч. С. С. Илизарова. М., 2006. В этот сборник вошли 27 произведений ученого по истории, географии, этнографии и истории науки, а также 12 предисловий к различным сочинениям и археографическим изданиям.

до сих пор непрочитанными) как, наверное, ни у какого другого русского ученого XVIII в. Тем не менее, его научное «происхождение» представляет собой одну из нерасшифрованных до конца загадок. Мы в точности не можем судить о том, где, кем и когда закладывались основы его профессионального мастерства. Известно (в основном со слов самого же Миллера) о благотворном влиянии отца, в доме которого имелась обширная библиотека. Но Томас Миллер (1661–1729) по роду профессиональной педагогической деятельности был типичным для рубежа XVII–XVIII столетий провинциальным интеллигентным бюргером, эрудированным, широко образованным латинистом, писавшим стихи в подражание Горацию, но никак не ученым-исследователем, ученым-новатором, каким стал его сын. Являлись ли научной «родиной» Г. Ф. Миллера старинная гимназия в родном Герфорде, руководимая его отцом, небольшой университет в маленьком саксонском городе Ринтельне, где будущий историк постигал основы знаний, – маловероятно. Казалось, один из старейших и лучших в германских землях Лейпцигский университет подходит на эту роль, но Миллер пробыл здесь недолго, не больше года, и на этом его формальное образование завершилось. Может показаться, что он чуть ли не недоучившийся школяр, кем и пытались его представить некоторые недобросовестные авторы, не желавшие замечать его всестороннюю подготовку к научно-преподавательской деятельности и прохождению необходимых для этого обязательных формальных процедур, включая защиту диссертации. Сам Миллер считал нужным отметить влияние, которое оказал на него историограф саксонского курфюрста, профессор Лейпцигского университета И. Б. Менке (1674–1732), но не столько своими лекциями, сколько разрешением пользоваться его знаменитой библиотекой. Миллер вспоминал:

В Лейпциге я занимался преимущественно под руководством надворного советника Менке, пользовался его превосходной библиотекой и познакомился благодаря этому с господином Кодем как раз тогда, когда он собирался поехать в Петербург ⁶.

Очевидно, в доме Менке проходили те встречи и беседы, которые имели значение для умственного развития талантливого юноши. Я думаю, что наряду с природными дарованиями главными зримыми элементами той образовательной системы, того культурного и научного дискурса, в которых развивался гений ученого, были чтение текста как познание смысла (книга/исторический документ), наблюдение как пристальное и постоянное познание мира, визуальное и эпистолярное общение с коллегами (профессиональными учеными и любителями наук) как форма интеллектуального диалога и, наконец, присущее Миллеру стремление к творчеству в форме научного познания и непрерывного внутреннего монолога. В этом плане Миллер, который учился всегда и всюду, являлся учеником всех – и современников, и тех, кто жил и творил задолго до его рождения. Сохранилось позднее свидетельство мемуарного характера о том, что с молодых лет и примерно до начала 1730-х гг., т. е. до своего возвращения в Санкт-Петербург из научной командировки в Англию, Голландию и Германию, он находился

⁶ Миллер. Избранные труды... С. 526.

под влиянием полигистории самое большее морховского типа: ученой истории, познаний, которые добываются в библиотеке. Богатая библиотека моего отца воспитала во мне эту склонность ⁷.

В отцовской библиотеке будущий ученый и познакомился впервые с сочинениями Даниэля Георга Морхофа (1639–1691) – видного историка, теоретика искусства, поэта, одного из родоначальников немецкого литературоведения. Некогда знаменитый «Полигистор литературный, философский и практический» (начиная с 1688 г. многократно переиздавался), о котором вспоминал Миллер как о своих вратах в ученость, вырос у Морхофа из академических лекций, из его стремления суммировать все научные знания, причем наука у него выступала как мощное древо с отдельными ветвями (подразделениями), которое следует изучать во всей его целостности.

Круг чтения, особенно в период становления ученого, является важным компонентом источниковедения историографии ⁸. Применительно к Миллеру этот вопрос практически не изучен, но, безусловно, можно утверждать, что на него оказали влияние труды Г. В. Лейбница, который, кстати, также тремя десятилетиями раньше учился в Лейпцигском университете. В произведениях Миллера имя Лейбница и как историка-археографа, и как мыслителя упоминается многократно ⁹. Как известно ¹⁰, именно Лейбниц во впервые изданных в 1721 г. «Началах философии...», позднее получивших название «Монадологии», наиболее определенно сформулировал общий принцип достаточного основания для достижения истинного знания ¹¹, понимание и знание которого отчетливо присутствует в трудах Миллера.

⁷ Продолжение этой цитаты раскрывает важные обстоятельства и причины, по которым Миллер отказался от намерения стать в Санкт-Петербурге эрудитом-библиотекарем (то есть, в понимании того времени, – историком науки и учености) и переключился на историю: «Дальше я питал ее в университетах и в путешествиях. В Петербурге я испытывал свое счастье, возможно, именно для того же, если бы не скептицизм, который во мне пробудил господин Шумахер. Он уничтожил мою ограниченность, дав мне совсем другой взгляд на мир. Затем я утратил надежду стать его зятем и преемником по должности. Я счел необходимым перейти в другую отрасль науки, а именно в русскую историю, которую я не только сам стал старательно изучать, но и предпринял попытку наставлять в ней других, уточняя имевшиеся сведения» (Там же. С. 644).

⁸ Шмидт С. О. Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии: К 75-летию академика М. В. Нечкиной. М., 1976. С. 265, 268 (статья переиздана в кн.: Шмидт С. О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997).

⁹ См., например: Миллер. Избранные труды... С. 92, 101, 504, 505, 538. Стоит обратить внимание на то, что, следуя логике, приведшей Лейбница к открытию происхождения франков, Миллер рассуждал о происхождении варягов.

¹⁰ См.: Лурье Я. С. О путях доказательства при анализе источников (на материале древнерусских памятников) // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 62.

¹¹ По Лейбницу, познание необходимых истин основывается «на двух великих принципах: принципе противоречия [...] и на принципе достаточного основания, в силу которого мы усматриваем, что ни одно явление не может оказаться истинным или действительным, ни одно утверждение справедливым без достаточного основания, почему именно дело обстоит так, а не иначе» (Лейбниц Г. В. Соч. в четырех томах. М., 1982. Т. 1. С. 418–419. Курсив Лейбница. – С. И.). Примечательно, что эти рассуждения формулировались Лейбницем в период наиболее напряженной работы над германской историей, в частности, историей Вельфов, а первая публикация на латинском языке «Монадологии» была осуществлена в знаменитом журнале *Acta eruditorum*, основанном в 1682 г. Отто Менке, отцом И. Б. Менке.

Весь жизненный путь Миллера был постоянно сопряжен с учением и передачей другим приобретенных знаний. В Санкт-Петербурге, куда он приехал 5 ноября 1725 г. служить в только что открытой Академии наук, не только было у кого учиться, но нашлись даже и первые ученики. Небольшой по составу академический коллектив, представленный яркими и одаренными учеными, библиотека, государственное содержание, не говоря уже о бесконечном исследовательском пространстве, какое являла собой недавно возникшая Российская империя – все это открывало для ищущих небывалые в новейшей истории науки перспективы. И Миллеру удалось в полной мере воспользоваться представившимися возможностями. В Академии наук он мог и стал активно пополнять знания и совершенствовать новейшие научные технологии. О его дружбе со старшими и более опытными коллегами по академии – математиком Х. Гольдбахом, историком и филологом Т. З. Байером¹², литератором и историком И. П. Кодем и др., у которых он учился исследовательскому мастерству, свидетельствуют многие страницы академической истории, сочиненной им спустя полвека.

Буквально каждое научное сочинение Миллера, созданное и опубликованное им в России, было первопроходческим и, наверное, потому ранние работы (следует заметить, что ученый не переиздавал собственных трудов) по мере появления новых забывались и постепенно становились как бы малоприметными. Очевидно, именно по этой причине незаслуженно мало известно о первом серьезном проекте молодого петербургского профессора истории Миллера. В 1732 г. он предложил Академии наук общий план работ по русской истории. Эта работа, изданная в виде брошюры¹³, – первая оригинальная научно-исследовательская программа комплексного изучения истории и географии России. Ее реализация началась сразу же по прочтении на академическом собрании 25 августа и 1 сентября 1732 г. пробных лекций и одобрении предложенного там плана с издания в Санкт-Петербурге знаменитого в истории науки сборника *Sammlung Russischer Geschichte*.

Сколько бы не пытаться понять происхождение Миллера-ученого, он был первым и единственным среди современников, кто сумел по прошествии всего нескольких лет по прибытии в Россию сформулировать не только комплексную, реальную и выполнимую, но и строго привязанную к российской истории и географии исследовательскую программу. В его небольшом по объему «ОБЪЯВЛЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ до исправления российской истории касающегося, которое может учиниться частным изданием СОБРАНИЯ всяких известий до истории Российскаго государства принадлежащих» содержалась программа, рассчитанная на тридцать и более лет, поскольку, по представлению Миллера, именно столько времени необходимо для приведения в порядок истории России, для обеспечения ее источниковой базой, т. е., как писал

¹² Например, Миллер такими словами завершал краткое жизнеописание Байера: «Прошу меня простить, если перед этим человеком, по отношению к которому никакие похвалы не будут достаточны, мое восхищение (как перед моим предшественником в изучении русской истории) выступает ярче, чем перед другими» (Миллер. Избранные труды... С. 515).

¹³ Проект «Объявление Предложения до исправления российской истории...» был издан на двух языках, причем русский вариант сохранился в двух дефектных экземплярах. В полном виде на русском языке текст опубликован в: Миллер. Избранные труды... С. 713–719.

ученый, «собранием всяких до Российской истории принадлежащих кратких описаний и подлинников».

На исходе жизни, в 1770-х гг., Миллер вспоминал об этом как о дерзком предприятии, поскольку тогда в области истории и географии России им еще ничего не было сделано, и в русском языке он также не имел необходимых знаний и опыта, а сам русский язык только-только начинал «говорить по-научному». Однако он полагался на свои литературные познания, знакомство с европейскими научными традициями, включая научное книгоиздание и журналистику, с книгами и рукописями, хранившимися в академической библиотеке. Свой проект автор соизмерял с характерными европейскими корпусными публикациями исторических и дипломатических документов. По его утверждению, без такого рода изданий не может состояться «совершенное» историческое изучение России и ее народов, включая сопредельные территории, во всей хронологической глубине и тематической полноте – гражданской, церковной, ученой и естественно-научной. Миллер здесь ставил вопрос о необходимости разработки русской археологии («древностей»), нумизматики, хронологии и других вспомогательных исторических дисциплин, включая, согласно тогдашним классификациям, и географию. Вслед за преамбулой следовала роспись из двенадцати пунктов, в которых давалось пояснение, какие именно «материи» в виде «принадлежащих известий и подлинных документов» по истории и географии Российского государства должны постепенно изучаться и вводиться в научный оборот.

В первой исследовательской программе Миллера представлена в большей степени еще умозрительная, но все же реальная классификационная схема. Основания для систематизации еще нечеткие, а сами описания несколько аморфные (следует помнить о том, что проект относится ко времени, когда язык русской науки только зарождался). Здесь наряду с собственно историческими источниками назывались исследовательские темы, научные проблемы и направления. Однако понять, на чем должна конструироваться доказательная научная история, все же было возможно¹⁴.

Первое место Миллер отводил летописям, причем это понятие у него обозначено словом «хроники». В одной группе оказывались «Степенная книга», Синописис, «Хроника Игумна Феодосия Киевскаго» (то есть летопись Нестора), «Сказание» Авраамия Палицына и др. Далее – жизнеописание властителей России, начиная с Рюрика. Третью группу в предложении Миллера занимали генеалогические известия и таблицы великих князей, царей, российских императоров со всеми известными побочными линиями (таких таблиц, отмечал автор, он уже сочинил двенадцать). «Географическое, Хронографическое и Топографическое описание всех Российскому скипетру подверженных земель, дистриктов и городов» составляло четвертую группу;

¹⁴ Воздействие этого проекта на развитие научных знаний практически не изучено. Между тем материалы, свидетельствующие о внимании к декларации Миллера, имеются. Например, В. Н. Татищев уже 19 сентября 1732 г. сообщал из Москвы в Санкт-Петербургскую академию наук о получении полезного «прожекта к сочинению истории», доставившее ему «великое удовольствие», и предлагал собственное участие в отношении поставленных вопросов изучения истории и генеалогии великих и удельных князей, геральдики и нумизматики (*Татищев В. Н. Записки. Письма. М., 1990. С. 151–152*).

в этом же разделе Миллер выделял описания некоторых городов, таких, как Москва, Санкт-Петербург и т. п. Затем следовали вопросы, относящиеся к изучению русской нумизматики, фалеристики и геральдики, описанию древностей и «натуральных вещей», представляющих интерес для Кунсткамеры. Наряду с критическим анализом сочинений иностранцев обозначена также необходимость разработки истории географии России, церковной истории во всей возможной полноте, включая дохристианский период, а также учебной истории, состоявшей из истории учебных заведений, происхождения письменности, книгопечатания, включая полную библиографию изданных в России книг. Развивая это направление, Миллер говорил о региональной и тематической истории, в том числе обозначая такие конкретные сюжеты, как известия о Камчатке, описание Готторпского глобуса и т. д.

При обращении вновь к позднейшим мемуарным новеллам Миллера, вкрапленным в его «Историю Академии наук», в них можно найти важные уточнения. Так, он вспоминал, что своим проектом 1732 г. предлагал улучшить русскую историографию, публикуя собрание разнообразных сведений о развитии и прогрессе России с самого ее начала. Миллер писал:

Главное содержание этой моей работы, по моему замыслу, должно было представлять собой выдержки и переводы из русских летописей и других исторических рукописей¹⁵.

Очевидно, выдвигая первую исследовательскую программу, Миллер стремился максимально широко и всеохватно (в пределах знаний того времени) описать корпус источников по истории России. При этом не ставилась, да и не могла ставиться задача дать им качественные характеристики, сформулировать обоснования информационного потенциала того или иного типа и вида источников, поскольку в абсолютном большинстве своем эти источники оставались для науки *terra incognita*. Данным и другими своими проектами, являющимися ярким памятником русской научной мысли XVIII в., Миллер сознательно задавал предельно возможные параметры, превышающие силы одного исследователя, и время, отпущенное ему. Именно такой несоизмеримый масштаб имела составленная им в 1740 г. инструкция для своего сменщика в научном путешествии по Сибири адъютанта И. Э. Фишера: исследовательская программа по комплексному изучению края (истории, географии, археологии и этнографии) включала около 1300 вопросов¹⁶.

Десять лет, проведенных в Сибири (1733–1743), дали Миллеру огромный запас знаний, уникальных сведений об истории и географии всего пространства Российской империи, тот исследовательский опыт, который позволяет говорить о завершении его формирования как профессионала. Миллеру, вернувшемуся из Сибири в столицу, не было равных среди современных ученых, работавших в области гуманитарных и смежных наук. Результатом этой экспедиции

¹⁵ Миллер. Избранные труды... С. 645.

¹⁶ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 199. Оп. 2. Портфель. 508. Л. 1–140. В полном виде этот важнейший для науки XVIII в. программный документ не опубликован. Отдельные составляющие (и в особенности этнографическая часть) неоднократно рассматривались в трудах В. В. Радлова, А. И. Андреева, М. О. Косвена, А. Х. Элрета и др.

явились его многочисленные труды (книги, статьи, публикации) по истории, географии, этнографии, археологии, языкознанию, астрономии, геодезии и картографии, причем значительная их часть остается до сих пор неизданной на русском языке; им также была собрана обширная коллекция письменных и археологических исторических источников, которая до настоящего времени не может считаться полностью освоенной. Но, кроме всего прочего, работа в архивах Сибири дала Миллеру отчетливое представление об источниковом потенциале архивов европейской части Российской империи с ее старинными городами и в особенности Москвы, которая с тех пор постоянно манила его.

По возвращении в феврале 1743 г. в Санкт-Петербург Миллер, в буквальном смысле перенасыщенный знаниями и в совершенстве владевший научным методом, среди прочих своих трудов подготовил новый концептуальный проект. В марте 1744 г. в пространной записке на имя президента Академии наук графа К. Г. Разумовского он сформулировал предложение об организации Исторического департамента для изучения и написания истории и географии Российской империи¹⁷. Идея создания специализированного научно-исследовательского, архивного, археографического и библиографического центра опережала время, и повторное предложение в августе 1746 г. об учреждении при Академии наук такого департамента с местонахождением в Москве не получило поддержки¹⁸.

Кроме организационных вопросов в данной записке одно из центральных мест занимает первый раздел, описывающий корпус источников, являющихся базовыми для изучения истории России. В характерных для языка Миллера выражениях это положение выглядит так: «способы, по которым историю о Российской империи сочинять надлежит, суть нижеследующие»¹⁹. Далее идет перечисление основных групп и видов исторических источников в следующей последовательности: 1) письменные источники («письменные исторические книги»), включая степенные книги, летописи и хронографы; 2) письменные источники по татарской истории на татарском, турецком и персидском языках; 3) архивные материалы, хранящиеся в Москве, Санкт-Петербурге и других «знатнейших» российских городах; 4) жития тех святых, которые имеют отношение к историческим событиям; 5) письменные источники, находящиеся в церковных и монастырских хранилищах; 6) эпиграфические источники («надгробные и другие надписи») из московских монастырей и церквей, а также других «знатнейших» городов²⁰; 7) родословные книги; 8) древности российские во всем возможном многообразии, «из которых о древних временах и приключениях хотя не совершенное, однакож не совсем

¹⁷ Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге [в 2 т.]. СПб., 1870. Т. 1. С. 338.

¹⁸ 7 августа 1746 г. записка Миллера зачитывалась в Канцелярии Академии наук в присутствии президента, который объявил «что оный его проект весьма хорош», но автору следует сосредоточиться исключительно на сочинении сибирской истории. См.: Материалы для истории Императорской Академии наук [в 10 т.]. СПб., 1895. Т. 8. С. 213. Созданный в 1748 г. внутри Академии наук Исторический департамент имел совершенно иные задачи и концептуальные основания.

¹⁹ Там же. С. 187–188.

²⁰ Миллер с первых дней Сибирского путешествия, начиная с Новгорода Великого, Торжка и т. д. занимался копированием и сбором эпиграфических памятников. См.: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 164; Материалы для истории... С. 195–212 и др.

отметное свидетельство получить можно»²¹; 9) устные источники – «словесные повести [...] у простых людей находящиеся в памяти; но понеже в них много баснословного случается, того ради с осторожностью принимать должно»; 10) печатные иностранные исторические книги о России, Лифляндии, Курляндии, Пруссии, Польше, Швеции, Дании, Германии, Турции, Персии, Китае и других государствах, в которых содержится информация, относящаяся к российской истории и, особенно, к истории войн и международных отношений. Трудно судить однозначно, но мне представляется, что это перечисление исторических источников имеет и ценностный, т. е. иерархический характер, хотя во многих своих сочинениях Миллер отстаивает значение любого вида, особенно при отсутствии нарративных текстов.

В отличие от проекта 1732 г. в документе, составленном в 1744 г., описание корпуса источников более содержательно и логически обоснованно, а сам текст демонстрирует удивительную скорость становления русского научного языка, в процессе развития которого Миллер сыграл, безусловно, выдающуюся роль. Самое главное, что новый проект базировался не на умозрительных представлениях, как раньше, а на реально изученных исторических памятниках. О глубине знаний и интуиции ученого свидетельствуют последующие разделы, в которых даны пояснения и важные уточнения. Так, в пятом разделе он писал, что при академии уже накоплено определенное количество рукописных источников, однако много больше материалов хранится на местах у отдельных владельцев. Поэтому, продолжал он, необходимо издание публичных указов, по которым владельцы таких «рукописных исторических книг-летописцев» приносили бы их в губернские и городские канцелярии, а уже оттуда документы направлялись бы в Академию наук «для списывания с оных при департаменте истории копий»²². После этого подлинники возвращались бы владельцам. Причем Миллер подчеркивал необходимость особо внимательного отношения к региональным и городским летописцам. На примере печатного Синописа, впервые изданного в Киеве в 1674 г., он говорил, что такие источники не могут считаться общероссийскими, и, в частности, Синопис – это источник по истории Малой России, «или так называемой Украины». Но если это редкие и уникальные документы и тем более если они содержат детали местной истории, «тем она нужнее и полезнее к сочинению всеобщей российской истории служить могут». По его представлению, должны были существовать (и тогда их следовало разыскивать) казанские и астраханские летописцы, «и ежели слуху поверить, то и Новгород, Устюг, Смоленск, может быть еще и другие знатные города, свои особливья истории имеют»²³. Накопленное при Академии наук собрание рукописных источников

²¹ Эти вопросы Миллера особенно занимали во время изучения Сибири, когда он столкнулся с тем, что о древнем периоде письменных известий не находилось, а во множестве находимые в Сибири и ее недрах артефакты требовали адекватного прочтения. В «Истории Сибири» и других сочинениях этого цикла данным вопросам ученый уделял большое внимание.

²² Материалы для истории... С. 189.

²³ Там же. Для сравнения: из инструкции Миллера, составленной в конце 1759 г. для переводчика А. Дубровского: «13. Ежели где можно достать какие манускрипты, чертежи, планы и ландкарты, оные выпросить для Академии и прислать сюды при репортах. Буде же достать невозможно, то только уведомить Академию о том письменно». Цит. по: Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996. С. 367.

на татарском языке, пояснял Миллер, можно пополнить путем целевого сбора среди казанских, касимовских и романовских татар. В свою очередь, история провинций, завоеванных в балтийском регионе, ставшая частью российской истории, должна пополняться как за счет изучения городских, губернских, рыцарских и магистратских архивов, так и через публичное объявление о сборе и копировании «письменных книг и старинных исторических документов оных земель», хранящихся у лифляндских и эстляндских дворян. Таким же образом, по мысли Миллера, следует собирать родословные книги, жалованные грамоты и прочие документы среди знатных и титулованных русских дворян.

Архивам Москвы и Санкт-Петербурга Миллер справедливо отводил особое место и потому их изучение возлагал на руководителя Исторического департамента – историографа (эту должность Миллер предлагал учредить в расчете, что она ему же и достанется). Его особенно волновали тогда местонахождение и сохранность архивов Разрядного и Посольского приказов, «потому что они к сочинению истории весьма нужны будут»²⁴. Опасаясь, что эти архивы хранятся в небрежении, гниют от сырости, пожираемы мышами и червями, не разобраны («набросаны в кучи») или даже разодраны, все равно, писал ученый, прилежное «пересматривание оных» позволит обнаружить что-нибудь важное для изучения истории. Городские, провинциальные и губернские архивы, в которых также можно «собрать самые лучшие известия», должны были изучать адъюнкты.

Таким образом, фактически речь шла о создании постоянно функционирующей системы археографических экспедиций, главными участниками которых должны быть историограф (с местонахождением в Москве) и один-два адъюнкта «в посылке», работающие по заданиям и инструкциям, составленным руководителем с задачей сбора и копирования исторических материалов в нестоличных городах, монастырях и церквях. Умудренный знанием и личным опытом, Миллер особо подчеркивал необходимость соблюдения крайней щепетильности, «дружеского обходительства» при сборе материалов, поскольку строгие приказы, позволяющие реквизировать документы у владельцев, скорее всего, приведут лишь к утаиванию искомого.

В преамбуле к проекту 1744 г. имеется одно исключительно интересное рассуждение, на которое, кажется, еще не обратили должного внимания. Обосновывая необходимость создания специализированного исторического департамента, Миллер писал, что уже известные исторические источники («письменные исторические книги и летописцы»), «из которых мы по сие время Российскую историю почерпаем», недостаточны, поскольку в них содержится исключительно династическая и военная история, да и то не в полной мере. Без специальных, выражаясь современным языком археографических, изысканий и при сохранении источниковой базы в прежнем объеме, по его убеждению, не приходилось рассчитывать на «получение подлинной

²⁴ Материалы для истории... С. 190. Разрядный приказ – центральное государственное учреждение России XVI–XVII вв., ведавшее служилыми людьми, военным управлением, а также южными («украинными») городами. Посольский приказ осуществлял внешнюю политику Российского государства.

пользы в истории», поскольку отсутствует информация «в пример всяких учений о государственных и народных делах». Представляется, что этот текст допустимо интерпретировать как такую постановку исследовательских задач в области истории, которая значительно опередила свое время.

В 1750 г. на русском языке вышел первый том истории Сибири Миллера под навязанным автору заголовком «Описание Сибирского царства»²⁵ – первое в мировой литературе фундаментальное тематическое исследование, основанное на максимально возможной источниковой базе (в полном виде на русском языке не издано). Классический труд Миллера, составивший эпоху в развитии русской науки, послужил образцом для других региональных исследований и до настоящего времени сохраняет научное значение. Предисловие, написанное ученым для этого издания, разъяснявшее позицию автора, цели и задачи исследования, способы их решения, было запрещено некомпетентным академическим начальством к публикации. В результате первая научная монография, созданная на отечественном материале, первая монография, изданная на русском языке²⁶, вышла лишенная важнейшей составной части. Между тем именно в этих нескольких страницах ученый, исполняя «свою должность», предьявлял «благосклонному читателю [...] употребленные к сему делу способы и как я в сочинении сея истории поступал».

Миллер, рассказывая о том, как во время путешествия по Сибири во всех городах изучал местные архивы и выписывал необходимые материалы, неоднократно подчеркивал, что он делал это исходя из своего понимания профессионального долга, – служебное задание, полученное от руководства Академии наук, такой работы вовсе не предполагало. О результатах проведенной работы свидетельствуют привезенные тридцать пять больших книг документов – точно списанных «подлинников» и копий. Эти «архивные списки», пояснял далее Миллер, и составили прочный фундамент издаваемой истории Сибири. Недостаток источников по ранней истории Сибири отчасти компенсируют общерусские летописи, хронографы, степенные книги, местные сибирские летописи, жалованные грамоты и иные указы из собрания баронов Строгановых. Далее в предисловии следовал рассказ, многократно повторенный в последующих трудах по истории и историографии Сибири, о

²⁵ Так в XVIII в. именовали труды естественно-научного характера – по описанию «трех царств естества».

²⁶ Это действительно так. Ранее выходявшие на русском языке немногочисленные произведения петербургских академиков (математиков, астрономов и т.п.) сигнализировали лишь о том, что наука начинала «говорить» по-русски. Это был, безусловно, чрезвычайно важный этап трансляции и адаптации научных знаний, но не более того. Очевидно, самостоятельная научная мысль могла родиться, прежде всего, в изучении национальной истории. Но до 1750 г. в России публиковались сплошь переводные исторические сочинения, в ряду которых было и издание в 1738 г. перевода труда замечательного историка, петербургского академика Г. З. Байера «Краткое описание всех случаев касающихся до Азова» (1738). Архаичный, средневековый по типу и содержанию доморощенный «Синописис или Краткое описание о начале славенского народа...», выдержавший в XVIII столетии восемь переизданий (1714, 1718, 1735, 1746, 1762, 1768, 1774, 1785, 1798), причем с 1735 г. это сочинение публиковала Академия наук, не имел отношения к развитию науки, скорее отражал ее слабость и неутоленную общественную потребность в исторических сочинениях дидактического типа. Таким образом, с выходом «Истории Сибири» Миллера начинается самостоятельная русская научная литература.

том, как ученый находил во всех городах разные сибирские летописи, списки с которых, а также Тобольскую летопись в подлиннике он привез в Санкт-Петербургскую академию наук. Роль Миллера в сохранении местных летописей и их глубоком исследовании известна. Но одно его рассуждение, имеющее прямое отношение к рассматриваемой здесь теме, целесообразно воспроизвести полностью:

Правда, что я часто принужден был некоторые сибирских летописей известия отвергать, иногда инако толковать, а иногда и поправлять, токмо оне не препятствуют, чтоб оных летописей не почтеть между *главнейшими основаниями моей истории* (курсив мой. – С. И.)²⁷.

Летописи Миллер планировал издавать полностью отдельно²⁸, а актовые материалы, полученные от Строгановых и скопированные в сибирских архивах (и впервые вводимые в научный оборот!), он помещал на страницах «Истории Сибири» под текстом, в котором была отсылка к документу. Этот порядок, специально пояснял ученый, он считает предпочтительным по сравнению с тем, когда авторы помещают документы «в подтверждение своего сочинения свидетельств» в приложении в конце труда²⁹. Как отражение нападок тех коллег по академии, которые считали, что Миллер наполняет свою работу лишними деталями и изводит «казенную бумагу»³⁰, он писал:

Свидетельств совсем не сообщать то же было бы, якобы я в источниках, из которых сам почерпал, другим завидывал, и не подал бы я повод, чтобы сию историю в разных местах почитать баснословною, ежели бы все обстоятельства, которые хотя мало важны, *достоверными свидетельствами утверждены не были* (курсив мой. – С. И.).

Разве сие кто может почитать за излишнее, что часто для таких обстоятельств, которые коротко предъявлены быть могут, целые грамоты или отписки для свидетельства внесены. И в правду бы так было, ежели бы свидетельства, на которые я ссылаюсь, уже в других печатных книгах находились или бы списки с них у многих людей в руках были. Но я нахожусь первым, который оные сообщает, и знающий читатель за то, что сообщаю полные, благодарить будет. Любопытные люди увидят во оных еще много других достопамятных дел, для которых всякой чести удостояны быть должны. Кто к старинным архивным письмам и к штилю оных

²⁷ Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 161.

²⁸ Опубликование сибирских летописей руководством Санкт-Петербургской Академии наук было сочтено вредным и запрещено.

²⁹ В издании «Истории Сибири» 1937 года и в новейшем переиздании этот порядок нарушен, и документы помещены в приложении, что не только нарушает авторский замысел, но и усложняет восприятие и снижает доказательность, которой Миллер уделял столько внимания. Кстати, в изданиях XX в. по сравнению с 1750 г. исчезла «Хронологическая роспись...».

³⁰ В предисловии к публикации «Истории Сибири» на немецком языке в *Sammlung Russischer Geschichte* Миллер, разъясняя причины, по которым в русском издании приложены тексты документов, а в немецком нет, писал: «Если эту “Историю” кто-либо вздумает упрекать за то, что она слишком пространна и часто касается мелочей, польза которых не очевидна, то ведь это является общим недостатком многих подобных историй отдельных местностей и городов. Для русского же, в особенности для сибиряка, не легко установить, что будет лишним в моем рассказе. Для таких-то читателей эта книга, собственно говоря, и написана» (Миллер. История Сибири... С. 326).

привыкнет, тот подлинно оные читать будет со удовольствием, как бы намерения читателей или причины удовольствия различны ни были³¹.

Рассуждению о пользе древних архивных писем Миллер посвятил следующие два абзаца. По сути, это панегирик старинному русскому языку, признание подлинной любви автора к архивным текстам, которое было не простой декларацией, но логическим переходом к следующему тезису.

Зарубежные ученые признают себя счастливыми, писал далее Миллер, если находят старинные документы и даже с незначительным для истории содержанием, стараются быстрее их опубликовать большими книгами, предоставляя потомкам материал для сочинения истории. Предисловие к сибирской истории, как и почти все предисловия ученого к собственным трудам и археографическим изданиям, являлось и пояснительным текстом и одновременно программным документом. В рассматриваемом сочинении Миллер пояснял, что в Сибири им обнаружено и скопировано такое количество «старинных писем», имеющих отношение не только к региональной истории, но и способных служить «при будущем сочинении общей Российской истории *основанием*» (курсив мой. – С. И.), что при желании можно поступать также, как и за рубежом и издавать отдельные документальные сборники. Однако и десять лет, проведенные в сибирском путешествии, несмотря на все предпринимаемые усилия по сбору в архивах «письменных известий», оказались недостаточны, и он «всех источников [...] вычерпать не мог»³².

Если актовые и другие письменные источники по определению обладают высокой степенью достоверности, то «изустные предания и повести», пояснял Миллер, имеют иные природу и источники качества, но все же и они используются в истории Сибири. Таким материалам можно верить в той мере, в какой можно верить труду исследователя, отвечающего своим добрым именем профессионала. Дабы ни у кого не зародилось сомнения в добросовестности ученого, самой вероятности сочинения им ложных известий («какое бы то было дерзновение выдумывать, чего не бывало») то, пояснял он, собирая устные свидетельства, «ездил не один, но имел многих свидетелей моих дел и трудов»³³. Миллера больше волновало иное, а именно то, что в полевых условиях невозможно заранее предусмотреть и задать все вопросы, также как не всегда удается получить от информатора ожидаемый ответ³⁴. Поэтому если

³¹ Там же. С. 162.

³² Там же. С. 163. Миллер первым применил слово «источник» в качестве научного термина. См. подробнее: *Илизаров С. С.* О формировании термина «исторический источник» в русской научной литературе XVIII в. // *Источниковедение отечественной истории: Сб. статей.* 1984. М., 1986. С. 199–210.

³³ *Миллер.* История Сибири... С. 164.

³⁴ Так, по пути следования в Сибирь Миллер, проводя этнографические наблюдения над языческими народами Казанской губернии, надеялся «получить у сих народов о древних их временах, о их происхождении, о прежних жилищах, о бывших войнах и о прочем, некоторое хотя не ясное и с баснословными обстоятельствами соединенное известие, но тщетно. На такие вопросы они ни малаго ответа дать не умеют, а извиняются своею простотою, которая им о таких делах размышлять не позволяет. Все то, что я к приращению Истории и Географии по сказанию их собрать мог, состоит токмо в малом числе названия народов, городов и рек на разных языках сих народов. Потребнаго произведения и причин оным званиям довольных рассуждений о изобретении новых, или к подтверждению исторической истинны древних времен, не всегда выведать мне можно было» (*Миллер.* Избранные труды... С. 447–448).

Г. Ф. Миллер. История Сибири. СПб.: Изд-во АН, 1750. Первая научная монография на русском языке. а – титульный лист, b – подстрочные сноски на литературу и применения, с – хронологическая роспись – элемент научно-справочного аппарата, d – «реестр» – предметно-тематический указатель к первому тому

со временем будут обнаружены новые важные для объяснения исторических событий устные известия, то это не должно служить причиной подвергнуть сомнению достоверность приводимых им в «Истории Сибири» данных.

Проблема достоверности и обоснования неизменно занимали Миллера, и в рассматриваемом предисловии после рассуждений об устных источниках он вновь возвращается к особенностям построения своего труда. Исследователь отмечал, что его «История Сибири» существенно отличается от принятых в литературе стандартов, от образцовых описаний «славнейших древних историков», которые ведут свое повествование без обоснования и ссылок на источники. Поэтому такие сочинения приятнее читать,

но мое расположение есть полезнее, потому что я стараюсь предлагаемое мною утверждать везде доводами и рассуждаю об известиях и о сочинителях оных по правилам вероятности и якобы с читателем совокупно, которой здесь также рассуждать может и тому, что я пишу, просто верить не обязан (курсив мой. – С. И.). Когда древние историки толико себе приписывали, чтобы их словам верить без доказательств, то они щастливы, что им в том удалось³⁵.

Иное дело, если были бы общедоступны письменные источники, и тогда читатели могли бы выносить обоснованные суждения о том, в какой мере и верно ли историк использовал соответствующие материалы. Возможные лакуны в «Истории Сибири» Миллер объяснял неполнотой «достоверных известий» и выражал уверенность, что эту работу возможно будет сделать гораздо полнее и даже

почти в совершенство привести [...] ежели мне дастся позволение в Москву ехать и Сибирского приказа архиву таким же образом, как я делал во всех Сибирских городах, употребить в общую пользу³⁶.

Возможность побывать и поработать в Москве была давней мечтой Миллера, но на долгом пути к исполнению этого желания были пятнадцать многотрудных лет, наполненные исследованиями и публикациями, каждые из которых существенным образом влияли на прогресс научных знаний. Достаточно напомнить о таком событии, как издание Миллером с 1755³⁷ по 1764 г. в Санкт-Петербурге журнала «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие», ставшего первым и лучшим на протяжении всего XVIII в. в России научно-популярным и литературным журналом. На страницах «Ежемесячных сочинений» публиковались сочинения многих современных литераторов, членов Академии наук; впервые на русском языке здесь были изданы

³⁵ Миллер. История Сибири... С. 164.

³⁶ Там же. С. 165

³⁷ Следует напомнить, что в том же 1755 г. благодаря усилиям Миллера увидело свет «Описание земли Камчатки» его бывшего ученика С. П. Крашенинникова. Как и в других случаях, в предисловии к данному изданию Миллер не только давал биографию автора публикуемого сочинения, но и, характеризуя его научное значение, неоднократно подчеркивал необходимость проведения исторических и географических исследований, дающих подлинную и достоверную информацию.

важнейшие труды античных авторов, произведения современных философов, ученых и просветителей. Как известно, автором большинства исторических и географических материалов, помещенных в журнале, был сам Миллер. Простое перечисление его работ, впервые опубликованных в этом издании, заняло бы большое место. Напомню только, что именно здесь на русском языке увидели свет его исследования о Несторе, о бывшем городе Ниеншанце, существовавшем на месте новой столицы до основания ее Петром I, цикл работ по истории, географии, экономики и этнографии Сибири, о происхождении и истории казаков, а также труды, посвященные истории науки, картографии и т. п.

Все большие и малые произведения Миллера базировались на максимальной для своего времени источниковой базе. Так, в очерке о Ниеншанце кроме отечественных и зарубежных материалов ученый использовал визуальные наблюдения над едва сохранившимися остатками старой шведской крепости, которые он сравнивал с планами петровского времени. Миллеру принадлежит первенство в формулировании исследовательской темы и разработке истории феодальной средневековой Новгородской республики. Его «Краткое известие о начале Новагорода и о происхождении Российского народа, о Новгородских князьях и знатнейших одного города случаях» явилось не только новаторским для того времени исследованием, но и оказало исключительно большое влияние на развитие в России общественной мысли, искусства и литературы. Под прямым его воздействием находились Радищев, Карамзин, Пушкин, декабристы и др., хотя только однажды, в 1761 г., эта работа увидела свет на страницах журнала «Ежемесячные сочинения». И здесь также был использован весь спектр источников – известия иностранного происхождения, скандинавские саги, русские летописи, устные свидетельства, данные сравнительного этимологического анализа и проч.

В этом же журнале в начале 1761 г. публиковалась монография Миллера «Опыт новейшей истории о России», первый в отечественной науке фундаментальный труд, посвященный России XVII века. Данное сочинение занимает особое место в историографии благодаря не только своей тематике, но и тому, что в водной части этой работы ученый представил подробный анализ источниковой базы по истории нового времени,

*дабы всяк видел, на каком я основании полагаюсь, а особливо для того, что еще ничего из них в печать не произведено, но все хранится в библиотеках и кабинетах (курсив мой. – С. И.)*³⁸.

Выделенные и описанные группы и виды источников, сопровождаемые тонкими характеристиками, придают этому тексту высокую степень новизны, и прежде всего, в методическом плане. Стоит обратить внимание на строго логическую последовательность в характеристике исторических источников.

Главным и наиболее совершенным среди источников по русской истории ученый считал летописи, подлинность известий которых подкрепляется тем, что каждое отмеченное здесь событие имеет дату. Никакой народ, отмечал Миллер, «подобным сокровищем, толь много лет в непрерывном продолже-

³⁸ Миллер. Избранные труды... С. 159.

нии включающим, хвалиться не может». Вторыми по степени важности историческими книгами являлись хронографы, которые он характеризовал как опыт всеобщей светской истории. По его наблюдениям со времени падения Византийской империи в содержании хронографов большее место начинает занимать российская история, «кои однако написаны не со всеми обстоятельствами». Авторы хронографов ученый назвать не мог, но высказывал предположение, что ими, скорее всего, были монахи, знавшие греческий язык.

Следующее после хронографов место по степени важности занимала «Степенная книга царского родословия», созданная на рубеже 50–60-х гг. XVI в. Миллер, который в 1775 г. уже в Москве первым в истории археографии издаст этот исторический памятник, назвал его методическим сочинением, «собранным из летописей, и по порядку правлений и знатнейших дел оных так расположенным, что все то, что к одному делу надлежит, вместе находится». Однако в отличие от строго датированных и потому «совершенных» древнерусских летописей, «Степенная книга» лишена этого качества, и исходя из анализа ее содержания, для которого характерно преобладание церковных сюжетов, Миллер считал, что ее авторы имели церковное происхождение, и прямо указывал на митрополитов Киприана и Макария.

Далее в обзоре источниковой базы по новейшей русской истории он называл и анализировал: «Летопись о мятежах и о разорении Московского государства» (этот источник в 1771 г. был издан историком князем М. М. Щербатовым, который, как известно, причислял себя к школе Миллера), «Ядро Российской истории» А. И. Манкиева, сочиненное, как считали тогда, на основании свидетельств доступных списков, князем А. Я. Хилковым, а также родословные и разрядные книги. Последние две группы получили особенно подробную характеристику, и здесь же была разобрана история происхождения разрядных и родословных книг в связи с особенностями внутреннего устройства Московского царства, ролью служилого дворянства, местничеством и его упразднением и т. д. В вопросе о достоверности родословных книг осторожный Миллер ограничился только одним, но существенным замечанием: «всегда ли оныя росписи были основаны на подлинных известиях, сие остается другим на разсуждение». Зато в исследованиях он неоднократно отмечал высокую степень достоверности разрядных книг «для их подлинности» и при решении спорных вопросов, безусловно, отдавал предпочтение им в сравнении с иными источниками, в частности, с «Летописью о мятежах...».

Миллер, еще ни разу не побывав в Москве и, следовательно, не имея реальной информации о тамошних архивах, первым указал на «архивные письма» как на исключительно ценный исторический источник. Благодаря доскональному изучению архивов сибирских городов, где сохранялась среди прочего распорядительная документация XVI–XVIII вв., исходящая из Москвы, он мог отчетливо представить информационный потенциал приказного делопроизводства. Копии документов центральных органов власти эпохи Смутного времени, найденные в Сибири, позволили Миллеру провести первое научное исследование по новейшей истории. В случае открытия государственных архивов в Москве и других больших городах России «архивные письма», прозорливо заключал историк, окажутся «яко прежде во всей России неизвестное

сокровище»³⁹. В своем обзоре источников ученый специально не останавливался на эпиграфических материалах, но в самом тексте он приводил их во множестве (надписи с надгробий царевича Дмитрия, а также Романовых, похороненных в Ново-Спасском монастыре).

Вообще, «Опыт новейшей истории» – одно из самых рефлексивных произведений Миллера. Здесь же в подстрочнике – обширнейший справочный аппарат, обильные цитаты, много уточняющих комментарий и толкований устаревших понятий (бояре, окольные, думные дворяне и т. п.), особенно ярок и выразителен стиль изложения.

Выбранный для изучения период, представленный разноречивыми источниками, взаимоисключающими оценками участников и современников событий Смутного времени, требовал от историка усилий больше обыкновенного. Поэтому данное сочинение отличается обширностью и детальностью доказательной базы как в плане логики изложения, так и в оценке достоверности источниковой информации. К примеру, анализируя подозрения ряда авторов об отравлении Борисом Годуновым царя Федра Ивановича, Миллер писал:

Таким то образом думают понятною сделать статскую тайну, которая *основание имеет на одном подозрении народа*. Много есть таких примеров, что смерть высоких владетелей приписывали отравлению по напрасну, как будто бы Государи, не так как и прочие люди натуральною смертию умереть могли. *К таким обвинениям больше потребно доказательств* (курсив мой. – С. И.)⁴⁰.

Как уже не раз отмечалось, принцип обоснования знания, что для методологии истории Миллера синонимично принципу достоверности исторических реконструкций, с публичной демонстрацией состава и содержания эмпирической базы, являлся важнейшим для ученого. В незавершенном публикации исследовании «Опыт новейшей истории о России» этот принцип представлен наиболее выразительно. Но был еще один момент, выделяющий данное произведение. Сравнительный анализ, поиск аналогий, с помощью которых можно попытаться понять казуальные явления, стимулировали научный интерес Миллера и направляли его на изучение сложных и специфических сюжетов. Пытливого ученого неизменно привлекали крутые изломы и драматические повороты истории: эпохи смены династий, внутренних неурядиц, смут, бунтов, войн с победами и поражениями, периоды правления ярких политических деятелей и т. п. Высокий профессионализм ученого, как он сам выражался – «должность историка», требовали обязательного изучения и осмысления именно таких ключевых моментов, когда на небольшом временном отрезке концентрировались события, определявшие движение, скорость и вектор исторического процесса.

Миллер был настоящим и неукротимым исследователем. Ему неоднократно приходилось сталкиваться с непониманием со стороны коллег по Академии

³⁹ Миллер. Избранные труды... С. 163. В одном месте он прямо писал, что ввиду нехватки прямых источников и потому неясности, было ли в начале правления царя Бориса отправлено посольство к римскому императору, «должно бы справиться в архиве прежнего Посольского приказа в Москве, не находится ли там чего о помянутом...» (Там же. С. 186).

⁴⁰ Миллер. Избранные труды... С. 175.

наук, стоявших на иных, охранительных позициях; непониманием, подчас переходившим в демагогические дискуссии, а затем в агрессивные нападки, которые могли завершаться запретами на публикацию результатов исследований и даже репрессиями. Имея такого рода негативный опыт⁴¹, приступая к описанию истории Смутного времени, Миллер очевидно предвидел, что его новый труд не всеми будет встречен одобрительно, поскольку период русской истории от воцарения Бориса Годунова до Михаила Романова «не такое время, которое великолепно представляется мыслям нашим, или котораго память достойно бы было выхвалить потомству». Поэтому в преамбуле он довольно обстоятельно писал о праве и обязанности историка изучать прошлое без изъятий и умалчиваний. На свете не существует государства, писал ученый, в истории которого не было бы

неблагополучных времен, и в коем бы не переменялись счастье и несчастье, сила и слабость, завоевания и опустошения? История государств уподобляется картине, имеющей тень, которая потребна к тому, дабы ясность и превосходство чрез то казались великолепнее⁴².

⁴¹ Речь идет о достаточно известных в литературе событиях, связанных с запретом президента Академии наук графа Разумовского Миллеру заниматься генеалогическими работами; с беспрецедентной для того времени по длительности и результатам «дискуссией» 1749–1750 гг. по диссертации Миллера и др. Одной из главных демаркационных линий в непримиримых позициях Миллера и Ломоносова как раз и был вопрос о праве ученого на изучение всех без исключения аспектов истории. В ответ на 55-е возражение Ломоносова Миллер писал: «Не знаю, какого рода представление об историческом писателе и об исторических рассуждениях составил себе Ломоносов, если он делает мне возражения, каких я, пожалуй, вообще ни от кого не слышал. Он хочет, чтобы писали только о том, что имеет отношение к славе. Не думает ли он, что от воли историка зависит писать, что ему захочется? Или он не знает, каково различие между исторической диссертацией и панегирической речью? Откуда он почерпнул это правило, будто следует умалчивать о том, что не относится к славе?.. ведь между славой и бесславием есть обширнейшее поле для истории, занимаемое большим количеством фактов и событий, которые могут происходить у какого-нибудь народа или рассказываться о нем» (*Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. [в 11 т.]. М.: Л., 1952. Т. 6. С. 67–68). Методологическим, если так можно выразиться, итогом споров стал аксиоматический постулат, выраженный Миллером так: «Ложен в исторической науке закон, будто следует умалчивать о том, что способствует увеличению славы других народов» (Там же. С. 76).

Созвучные даже стилистические мотивы можно встретить во многих текстах европейских историков. Например, в предисловии немецкого историка первой трети XVI в. Иоганна (Турмейра) Авентина к «Анналам князей Баварии» (в немецкоязычном издании – «Баварская хроника»), которые, скорее всего, были знакомы Миллеру, поскольку входили в общегерманский круг чтения, говорилось: «Должно описывать и добро и зло, и подъемы и падения. Счастье и несчастье стоят рядом. Тем поучительнее и полезнее это читать» (*Иоганн Авентин.* Баварская хроника. Введение // *Дорони А. В.* Историк и его миф: Иоганн Авентин (1477–1534). М., 2007. С. 232).

⁴² *Миллер.* Избранные труды... С. 158. В данном сочинении Миллер выступает не только как рефлексирующий эмпирик; здесь он как ни в одном другом своем произведении являет себя выраженным морализирующим историком, предвосхищающим стилистику историописания сентименталистов. Например: «Сверх того здесь есть же довольно достопамятных дел, достойных описания для нашего наставления. Когда вся история должна из примеров показывать нам правила, по коим учредить и расположить наши поступки, то не токмо похвальные дела производят сие действие; но и рассказывание о порочных, безрассудных, дерзновенных, изменнических и безчеловечных делах в себе содержат толь много полезного, что еще казаться может сомнительным, имеют ли в том преимущество благополучнейшие и достохвальнейшие случаи, что касается до пользы в нравоучении и политике. Человеку сродно, взирать на

Однако ни логически выверенные обоснования, ни строго научный характер труда не помогли, и Миллер, обвиненный одним из коллег по Академии наук в очернительстве, был вынужден прекратить издание одного из важнейших своих сочинений⁴³.

В рассматриваемый период, то есть до 1760-х гг., Миллер не раз испытывал на себе непонимание, сопровождаемое (зачастую в грубой и оскорбительной форме) ограничением в исследовательской деятельности⁴⁴. Это не могло не усиливать его давнего стремления покинуть Санкт-Петербург. Последний период жизни Миллера (1765–1783 гг.) прошел в Москве. Причины и обстоятельства исхода из столицы, характер его многообразной научной и научно-организационной деятельности в Москве в основных моментах известны⁴⁵.

Именно в Москве ему удалось осуществить большое число археографических изданий – в их числе публикации документов как исторических источников и первая в практике русской науки публикация памятников русской научной мысли и литературы XVIII в. Каждое документальное издание Миллер сопровождал предисловием, в котором обосновывал необходимость публикации, оценивал историческое значение текста, описывал принципы издания и т. п. Большинство этих предисловий, собранные воедино, вошли отдельным блоком в сборник «Избранные труды» Г. Ф. Миллера. Они дают выразительную картину, характеризующую творческий метод ученого, его вклад в развитие источниковедения, археографии, дипломатики и других исторических дисциплин.

Еще в 1740-е гг., когда Миллер выдвигал проект Исторического департамента, он, озабоченный сохранением рукописного и книжного собрания В. Н. Татищева, безуспешно просил командировать его в Москву (где ученый до того еще ни разу не был) для приобретения или копирования материалов

доброе дело, выключая самых чрезвычайных, яко на обыкновенное, без великаго возторга. Но злое возбуждает ужас, когда живо изображается. Пускай порок примет вид добродетели, сколь долго может; время делает оной известным и мерским. Польза от нравоучения по правилам не так велика у многих людей, отдалившихся от пути добродетели, как то наставление, которое примерами других научает удаляться от погрешностей и несчастия» (Там же. С. 158–159).

⁴³ См.: *Пекарский П. П.* Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755–1764 годов // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1867. Т. 2. № 4. С. 52–56.

⁴⁴ Оторопь берет от того, скольких новаторских идей и готовых исследований Миллера лишилась наука вследствие чиновничьей тупости, трусости, злобной подозрительности и просто зависти со стороны некоторых его коллег. Назову только главнейшие утраты: диссертация «Происхождение народа и имени Российского» (1749, тираж был уничтожен) – первое на русском языке фундаментальное научное исследование об этногенезе народов, живших на территории России; «История Сибири» до сих пор не издана на русском языке в полном виде; цикл работ по русской генеалогии, запрещенных к продолжению президентом Академии наук; «Опыт новейшей истории...» (1761), запрещенный к публикации после издания первой части; «О начале, возобновлении и распространении учения и училищ...» (1757, автор Г. А. Полетика) – первый очерк истории просвещения в России. Этот «мартиролог» может быть весьма длинным.

⁴⁵ *Илизаров С. С.* Академик Герард Фридрих Миллер – гражданин Москвы // ВИЕТ. 1996. № 4. С. 50–92; *Илизаров С. С.* Академик Г. Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и Московской провинции. М., 1996 и др.

своего старшего современника⁴⁶, труды которого высоко ценил. Этих двух людей сближало очень многое, и, кстати, именно Татищев был одним из немногих, кто в полной мере понимал значение работ Миллера и по достоинству оценивал их новаторский характер.

История первого издания татищевской «Истории Российской» (М., 1768), подготовленного Миллером, хорошо известна, прежде всего, благодаря рассказу самого археографа, помещенному в предисловии к первому тому. Плохое качество манускрипта, подаренного сыном Татищева Московскому университету, послужило причиной обращения последнего за помощью именно к Миллеру, поскольку он был тогда единственным профессионалом, способным прочесть испорченный текст и подготовить его к научному изданию. Ученому пришлось потратить много времени и сил, чтобы издание соответствовало принципу сохранения подлинного авторского текста как в языковом, так и смысловом отношении. Рукопись содержала такое количество описок в именах иностранных авторов (особенно античных), в названиях народов и городов, что просто точным воспроизведением текста без тщательной подготовки «ожидаемой от нея пользы совершенно достигнуть было бы не возможно». Миллер отчетливо осознавал меру ответственности перед «искусными исторической науки любителями» и потому в предисловии объяснял характер и меру вмешательства в издаваемый текст, дабы

показанием наблюдения верности и точности, в исторических делах только нужного, книги сей некоторое пред другими показать совершенство, и не токмо нынешней век, но и потомство, о *подлинности сущих покойного Господина Татищева сочинений здесь сообщаемых совершенно уверить* (курсив мой. – С. И.)⁴⁷.

Далеко не во всем разделяя концептуальные позиции Татищева (особенно это относилось к гипотезе о сарматском/финском происхождении Руси, к тому же, по убеждению Миллера, противоречащей данным Нестора), археограф оставлял беспристрастным читателей судить о верности тех или иных позиций. В предисловии Миллер отсылал тех, кого интересуют отличные от татищевских взгляды на начальную историю Руси, к июльскому номеру журнала «Ежемесячные сочинения» за 1761 г., где был опубликован первый очерк из вышеупоминавшейся монографии о Новгороде и о происхождении русского народа.

В основном таким же по содержанию были предисловия Миллера ко второй и третьей книгам «Истории» Татищева, изданным в Москве, соответственно, в 1773 и 1774 гг. Так, в предисловии ко второй книге археограф вновь отмечал обилие испорченных, невразумительных и пропущенных слов, требовавших обязательного исправления и сличения текста, «при чем однако свято наблюдаемо было, чтоб от мнений сочинительных ни в чем ни мало не удаляться»⁴⁸. В предисловии к третьей книге Миллер снова писал о том же, добавляя, что

⁴⁶ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портфель 421. Д. 4. Л. 28–28 об.; *Пекарский*. История Императорской Академии наук... Т. 1. С. 348.

⁴⁷ *Миллер*. Избранные труды... С. 731.

⁴⁸ Там же. С. 732.

в отдельных случаях ошибки не поддавались исправлению и «дабы самим не погрешить, до другого времени оставлено». Что касается содержания, то Миллер кратко и в корректной форме выражал в предисловии свое несогласие с «любимым мнением покойнаго Сочинителя, касающемся до происхождения Россиян и первых Великих Князей Российских от Финнов», а также выразил более чем скептическое отношение к известиям так называемой Иоакимовской летописи.

Кроме предисловий Миллеру также принадлежит опубликованный в первом томе текст посвящения Екатерине II от имени Евграфа Татищева, в котором отмечались важность действий Петра Великого, указавшего собрать русские летописи, «дабы оныя *основанием и началом* (курсив мой. – С. И.)»⁴⁹ к сочинению истории российской служить могли, и Екатерины Великой, сделавшей возможным изучать историю по документам государственного архива.

В 1768 г. одновременно с выходом первого тома «Истории» Татищева Миллер опубликовал «Судебник Иоанна Васильевича». Предпринимая это издание, ученый не просто вводил в научный оборот важнейшие законодательные источники, о значении которых убедительно писал в предисловии, таким образом он публиковал памятники юридической мысли. Эта работа Миллера по составу была более сложной и не имела в XVIII столетии аналогов, поскольку текст законов сопровождался комментариями историка Татищева, и издание становилось одновременно и памятником научной мысли XVIII в. Таким образом, лаконичное предисловие Миллера имело два аспекта: первый, о котором уже сказано, – пояснение значения законодательных источников и второй – объяснение принципов издания текстов Татищева. Эти текстологические правила повторяли принципы, выработанные при издании «Истории» Татищева, «чтоб не принимая участия ни в слоге, ни в разсуждениях авторских, все точно так напечатать, как им собрано и сочинено»⁵⁰. Ситуация в данном случае была существенно более простой, поскольку имелся собственноручный список Татищева, что позволяло издателю избегать невольных ошибок и произвольных исправлений.

Подготовка научного документального издания дело не только сложное, хлопотное и щепетильное, оно требует умения решать всевозможные исторические ребусы, обосновывая и доказывая то или иное положение. Так и в каждом археографическом проекте, выполненном Миллером, демонстрируется разнообразие исследовательского инструментария в обосновании выбора темы, в решении проблемы авторства или истории публикуемого текста и т. д.

Миллера до сих пор несправедливо упрекают в ошибочной атрибуции известного произведения А. И. Манкиева «Ядро Российской истории» – он неумышленно приписал это сочинение перу одного из петровских дипломатов князя А. Я. Хилкова. При этом не очень вспоминают, что историк первым ввел в научный обиход этот примечательный памятник исторической мысли первой четверти XVIII в., сопроводив публикацию биографическим рассказом о жизни, как он считал, автора сочинения – активного деятеля бурной

⁴⁹ Там же. С. 730.

⁵⁰ Там же. С. 735.

петровской эпохи, пусть и не первого ряда. Миллер располагал не очень богатыми источниками («письменными доказательствами»): он имел три списка публикуемого текста, а на основании родословных, разрядных, летописных материалов и устных свидетельств буквально по крохам собрал данные к биографии А. Я. Хилкова и разъяснил происхождение этой фамилии от Ряполовских, которые в свою очередь вели родословную от князей Стародубских. Новым стало привлечение в качестве исторических источников домовых поминальных записей, из которых иногда можно узнать даты смерти, количество прожитых лет и имена жен. Миллеру также был доступен статейный список посольства Хилкова, хранившийся в библиотеке его наследника князя А. Д. Голицына, который предоставил ученому и гравированный портрет петровского дипломата.

Вероятно, в отношении авторства публикуемого текста что-то все же беспокоило археографа, иначе как понять фразу о том, что Хилков, завершив написание «Ядра Российской истории», подготовил 7 апреля 1715 г. приношение на имя Петра I, текст которого

находится редко при котором списке. Оно либо сочинено темно и не складно, или частым переписыванием испорчено, чего ради не разсудилось оно здесь повторить⁵¹.

Миллеру не составляло большого труда представить портретную характеристику князя Хилкова, тем более что издание сопровождала хорошего качества гравюра, но отдельные моменты в служебной карьере петровского дипломата не всегда можно было подтвердить достоверными сведениями. Такой надежный источник, как статейный список, отмечал в предисловии Миллер, безусловно, свидетельствует о дипломатическом искусстве Хилкова, а вот информация иностранного происхождения о прохождении службы русского дипломата до посылки в Швецию при других дворах не имела «ни к подтверждению, ни к опровержению *достаточных доказательств* (курсив мой. – С. И.)».

В предисловии Миллер счел необходимым отметить свое вмешательство в текст, которое свелось к исправлению безусловных описок, допущенных переписчиками, путем сличения бывших в его распоряжении трех списков. Вышедшие из употребления слова и выражения, также как и особенности старого правописания, характерные для автора «Ядра...», сохранялись неизменными. Выправленный таким способом текст, сохраняющий все авторские особенности, уверенно утверждал публикатор, является бесспорным. Из этого примера, делал вывод археограф, следует необходимость и полезность деятельности по публикации источников, которая обеспечивает дешевыми и добротными материалами всех любителей российской истории и тем самым обеспечивает лучшую сохранность рукописных памятников⁵².

Предвидя успех публикации и необходимость переиздания книги Миллер оставлял своим продолжателям решение вопросов о модернизации лексики

⁵¹ Там же. С. 737.

⁵² Там же. С. 738.

историографического памятника, о его дополнении и доведении изложения до современности или хотя бы до смерти Петра Великого. Сам же он считал целесообразным сохранять неизменным текст «Ядра Российской истории», поскольку это никак не препятствует желающим писать краткие и полные сочинения по российской истории. Сохраняя, таким образом, в целостности авторский текст, публикатор не мог не отметить своего категорического несогласия с бытовавшим мнением о мифическом происхождении князя Рюрика от цезаря Августа. В довольно резких выражениях писал Миллер о том, что для подтверждения этого безусловно ошибочного представления «надлежало было иметь других свидетелей, нежели сочиненную во время Государя Царя Иоанна Васильевича Митрополитом Макарием Степенную книгу». Далее он коротко с научных позиций обосновывал ошибочность этой родословной, имеющей, по его догадке, польско-литовские корни, и не без иронии припоминал старые аргументы одного «по красноречию и стихотворству славного писателя» (своего вечного оппонента Ломоносова), который применительно к этой истории писал: «вероятности отрещись не хочу, достоверность не вижу». Миллер восклицал:

Какая то вероятность, когда ни по которым историкам не явствует, чтоб какие Князи от крови древних Римских Кесарей происшедшие в Пруссию переселились, оное другим разсуждать оставляю⁵³.

К числу наиболее важных археографических публикаций Миллера относится предпринятое им в 1775 г. издание «Степенной книги царского родословия». Как уже отмечалось, в его классификационных схемах «Степенная книга» как исторический источник занимала второе по значимости место после летописи Нестора. Одновременно историк справедливо рассматривал это произведение как историографический памятник – «методическое сочинение», созданное по единому плану для общего описания всей русской истории христианского периода до Ивана IV включительно. Достоинство того или иного исторического источника, писал ученый, определяется древностью⁵⁴, авторитетом автора, важностью содержания, и по этим параметрам «Степенная книга» всеми «высокопочитаема», особенно теми, кто предпочитает летописной форме связанное историческое сочинение. Она, продолжал Миллер, относится к числу тех памятников, которые доносят «дух тогдашнего света», что является важнейшим компонентом исторического познания. Ученый также первым обратил внимание на характерную особенность «Степенной книги», имевшей равное отношение и к церковной, и к гражданской истории.

Издавая «Степенную книгу», Миллер, строго следуя принципам научного издания и «долгу историка», не мог пройти мимо некоторых содержащихся в ней положений. Согласно его концепции, именно в этот памятник впервые была введена ошибочная «не к славе наших предков» генеалогия Рюрика от

⁵³ Там же.

⁵⁴ Здесь необходимо отметить, что древность памятника сама по себе не является абсолютной ценностью, как это было у представителей антикварной историографии XVII–XVIII вв. Для Миллера – это один из важных критериев установления подлинности памятника и достоверности содержащейся в нем ретроспективной информации.

мифического «*Пруса, который яко бы брат Римскому Кесарю Августу*»⁵⁵. Затем из этого сочинения, писал в предисловии публикатор, повесть перешла в другие книги, включая «Ядро Российской истории», сообщения иностранных авторов и т. д. В период от времени издания «Ядра Российской истории» до подготовки «Степенной книги» Миллер нашел фактическое подтверждение ранее высказывавшейся им догадке о польско-литовских корнях этой «российских приказных письмоводителей» выдумки (в ответе московских бояр польским послам в 1578 г.).

Скорее по причинам морального характера Миллер отводил от митрополита Макария подозрение в возможности участия в составлении «древнеримского» родословия русских великих князей и писал, что только после его смерти, когда басня со временем приняла вид истины и в Москве распространяться стала, то писцы и внесли

оную и в Степенную Книгу, хотя бы лучше сделали, не вносить ее в книгу, которая имела дойти, и дошла, и доходить будет до поздних потомков⁵⁶.

Другой вопрос, который требовал небольшого комментирования, касался включения в список великих князей московского князя Даниила Александровича, который «был сын, брат и отец Великих Князей, но сам на Великом Княжении не был». Определенное внимание Миллер уделил опровержению бытовавшего мнения о строительстве князем Владимиром Святославичем города Владимира на Клязьме. В небольшой справке о преимущественно юго-западном направлении градостроительной деятельности Владимира I Миллер связал основание Владимира на северо-востоке с сыном Владимира II Мономаха князем Юрием Долгоруким. Это примечание, составленное, по словам самого Миллера, на основании «Истории...» Татищева,

научает нас сомневаться в Истории, и не без разбору принимать за истину все то, что сия и что всякая похвальная книга содержит, но *исследовать самым, и допытываться сущаго основания и верности, без чего История с успехом описана быть не может* (курсив мой. – С. И.)⁵⁷.

Как уже говорилось, при публикации исторических памятников Миллер в предисловии неизменно останавливается на характеристике текста. При подготовке «Степенной книги» к вопросам текстологии он подошел особенно внимательно, поскольку, по его убеждению, неисправный текст лучше вовсе не издавать, чем типографским способом закреплять и преумножать ошибки. Собственно, работа над изданием смогла начаться только тогда, когда в его руках оказался древний и «верный» список, «во время Государя Царя ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА, чистым полууставом писанный», и полученный от архиепископа Московского Амвросия (Зертис-Каменского) незадолго до его гибели в 1771 г. Положив в основу публикации «Архиепископский

⁵⁵ Миллер. Избранные труды... С. 746.

⁵⁶ Там же. С. 747.

⁵⁷ Там же. С. 747–748.

список»⁵⁸ «Степенной книги», Миллер затем «от слова до слова, и смотря на каждую букву» сличил его с другим списком, давно находившемся в личном собрании историка. В предисловии он писал:

Поставил я себе за правило ничего не пропускать, ни выкидывать, ни переменять, ни прибавлять; но точно последовать древнему Архиерейскому списку, дабы печатная наша книга могла приобрести совершенную достоверность. Соблюдал я и старинный слог, старинное правописание, старинные ныне уже неупотребительные речи; исправлял при печатании и корректурные листы; словом: старался по возможности, чтоб печатная книга ни в чем от подлинника не разнилась (курсив мой. – С. И.). Получил ли я желанное, о том оставляю судить читателям⁵⁹.

Кроме этих двух списков, положенных в основу издания, Миллер использовал также список «Степенной книги», находящийся в Московском архиве Коллегии иностранных дел, а в предисловии он обмолвился еще о других новейших списках. Таким образом, представляются неточными высказывания современных специалистов о том, что издание 1775 г. было выполнено якобы по одному-двум не вполне удачно выбранным и позднейшим спискам⁶⁰. Миллеровская публикация, остававшаяся единственной вплоть до начала XX в., в определенном смысле была завершающей в археографических изданиях ученого. Причем подготовку к печати «Степенной книги» археограф рассматривал как важное дополнение к уже вышедшим публикациям древнерусских летописей и «Истории...» Татищева.

Татищев, Хилков, обер-иеромонах морского флота епископ Гавриил (Бужинский), проповеди которого как памятник истории и культуры также впервые в 1768 г. были изданы Миллером, – все они активные деятели петровских преобразований. При внимательном изучении научного наследия ученого постепенно устанавливается совершенно отчетливая тенденция – так или иначе связывать большинство исследовательских тем и сюжетов с деятельностью Петра Великого. Во многих случаях Миллер сам писал, что данная проблема, либо публикуемые документы имеют важное значение, поскольку составляют часть истории императора. Даже собственные жизнь и судьбу ученый напрямую связывал с ним и по праву соотносил свое появление в России с созданием Петром I в Санкт-Петербурге высшего научного и учебного учреждения страны. Таким образом, личность Петра Великого на протяжении всей творческой жизни Миллера постоянно находилась в сфере его пристального внимания и потому, когда представилась возможность подготовить издание

⁵⁸ Миллер писал в предисловии, что он вернул эту книгу своему сотруднику по Московскому архиву Коллегии иностранных дел Н. Н. Бантыш-Каменскому, племяннику и наследнику архиепископа Амвросия. Но Бантыш-Каменский передал ее в Коллежский архив, и потому здесь всегда «удобно будет справиться по сей книге в какихнибудь могущих быть сумнительствах: здесь нужны по оной сообщать требующим изъяснения, за долг и удовольствие себе считать будут» (Миллер. Избранные труды... С. 749).

⁵⁹ Там же. С. 748.

⁶⁰ Покровский Н. Н. Томский список Степенной книги царского родословия и некоторые проблемы ранней истории текстологии памятника // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 4.

писем царя к своему фельдмаршалу графу Б. П. Шереметеву, он, естественно, с охотой взялся за это дело.

В свое время Миллеру приходилось доказывать, что письма Петра I к современникам – министрам, военачальникам и прочим «знатным особам» – необходимо издавать, поскольку они принадлежат к числу таких материалов, которые могут служить «основанием к истории отечества (курсив мой. – С. И.)»⁶¹. Особую значимость, подчеркивал исследователь, они приобретают в том случае, если адресованы к ближайшим сподвижникам императора⁶². К числу таких и относились письма Петра I к генерал-фельдмаршалу Б. П. Шереметеву, в которых

является ПЕТР ВЕЛИКИЙ без прикрасы могущества, пишет přátельски к приятелю, открывает внутренность мыслей своих, советы дает и оных требует, оказывает каков Он был Сам, и каков был тот, на которого Он положил толикую доверенность⁶³.

Готовя к публикации письма императора, чьи основные деяния общеизвестны и памятли были всем, Миллер в предисловии писал, что читателям необходимо сообщить

некоторое известие о главных обстоятельствах жития и о важности служб покойнаго Фельдмаршала [...] и дабы чрез то присовокупить нечто к описанию истории ПЕТРА ВЕЛИКАГО, которая у всякаго, в истории отечества трудящегося, главным предметом быть должна⁶⁴.

Предисловие Миллера к письмам Петра I как-то выпало из поля зрения исследователей, а между тем только в плане истории отечественной археологии XVIII в. оно должно рассматриваться как одно из ярчайших явлений. Его объем составляет 5,7 п. л.; соответственно 172 страницы книги большого формата (2°) занимают сами письма, а 78 страниц – предисловие. При этом в тексте кроме обильных цитат из различных источников имеются свыше восьмидесяти подстрочных комментариев, как по содержанию, так и текстуальных⁶⁵.

⁶¹ Его призыв был услышан современниками. Кроме известных работ И. И. Голикова, посвященных Петру I, в 1780-е гг. вышли «Записная книжка любопытных замечаний великой особы, странствовавшей под именем дворянина российского посольства в 1697 и 1698 году» (1788), письма Петра Великого к С. П. Колычеву (1785), Н. А. Синявину (1786), к брату царю Иоанну Алексеевичу и патриарху Адриану (1788) и др.

⁶² Так, в предисловии к письмам Петра I к графу Ф. М. Апраксину, изданием которых также занимался Миллер, имеется такая фраза: «Партикулярныя письма Государей и Великих людей собирать и издавать на свет, такое есть дело, которое для великой своей пользы, вошло в обыкновение во всей Европе. Чем важнее материи, содержащиеся в таких письмах между сочинителем к тем персонам, к которым письма писаны, тем яснее познаваться из них нравы и наклонности сочинителей» (РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 150. Ч. 6. Д. 25. Л. 2). Далее Миллер писал о большом значении этих материалов для истории корабельного дела, военных и других событий, связанных с историей правления Петра Великого.

⁶³ Миллер. Избранные труды... С. 257.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 257–328.

Миллер неизменно стремился облегчить понимание смысла старинных текстов, содержащих вышедшие из употребления и уже забытые термины и выражения. В рассматриваемом сочинении много примеров адаптации таких лексических единиц, когда, сохраняя текстуально старинные понятия в примечаниях, публикатор подыскивал эквиваленты из словаря живого русского языка третьей четверти XVIII в. Примеры: «Стольники выше Полковников, а иногда и выше генерал-Маиоров»; «Судное место, (или приказ) в котором, по тогдашнему наречию, на сильных били челом, что после называлось, Челобитным приказом»; «Вышнее правительство Московское [...] Главное судное место в Москве было Розряд, коим правил Боярин Тихон Никитичь Стрешнев»; в старину писали «Турскаго Салтана, а не Турецкаго» и т. п.

Рассказывая о едином для Шереметевых и Романовых предке, приехавшем «из Немец» в Москву в XIV в., старинное выражение «Крыжаки» Миллер разъяснял: так раньше называли рыцарей-крестоносцев. Или, проводя генеалогические разыскания о роде Шереметевых и их вероятных пересечениях с Романовыми в XVII в., Миллер отмечал: «Сие родство не токмо Иностранными за истину принято: но утверждается и достоверными Российскими свидетелями, слышавшими оное от своих предков»⁶⁶.

Подробно останавливаясь на событиях, приведших к подписанию Прутского мирного договора, Миллер провел детальный разбор особенностей турецкого и русского вариантов текста. Он объяснял причины, по которым русский текст был подписан на два дня позже турецкого⁶⁷, а при сравнении разноязычных текстов Прутского договора по французским публикациям с подлинниками договоров, хранившихся в Московском архиве Коллегии иностранных дел, археограф обратил внимание на разницу в выражениях – в турецком «Везирь пишет повелительным образом, в Российском же выражения употреблены умеренныя по принятому между Европейских держав обыкновению»⁶⁸. Турецкий экземпляр договора был заверен печатью с надписью «Мехмет Паша Эввел Везирь». Миллер поправлял европейских коллег, которые неверно переводили слово Эввел («первый») как «великий». Историк отметил также отсутствие названия места Хуши (по-турецки «Гечит Хуш»), где происходило подписание договора, в описании Молдавии Кантемира и в ряде русских военных источников.

Всего прямых подстрочных ссылок на источники в тексте предисловия Миллера к письмам Петра I насчитывается около 300. Подстрочные ссылки

⁶⁶ Там же. С. 260.

⁶⁷ Обилие и разнообразие использованных в работе источников приводили к необходимости их критического сравнительного анализа. Особенно много историку приходилось разрешать проблем, связанных с уточнением хронологии исторических событий, датированных по юлианскому и григорианскому календарям или по системе мусульманского летоисчисления. Но датирование документов русского происхождения также требовало в ряде случаев объяснения и обоснования. Например, день свадьбы Б. П. Шереметева Миллер устанавливал на основании рядной записи на приданое невесты, составленной 18 сентября 7178 г. Однако день свадьбы историк отнес к 19 сентября, поскольку, по его наблюдениям, рядные писались обыкновенно за день до венчания. И хотя при переводе лет от Сотворения мира к Рождеству Христову должен получаться 1670 г., но, замечал Миллер, это неверно, поскольку новый год издревле начинался с 1 сентября.

⁶⁸ Миллер. Избранные труды... С. 299.

распределены по следующим видам источников: летописные – 1; Летопись о мятежах – 2; разрядные – 5; «Степенная книга» – 1; документы (договора, письма и пр.), хранившееся в Московском архиве Коллегии иностранных дел – 10; документы из архива Тобольска – 1; документы из собрания графа П. Б. Шереметева – 3; неизданные письма Петра I Ф. М. Апраксину и А. Д. Меншикову – 4; Журнал Петра I – 146; письма Петра I к Б. П. Шереметеву – 103; Марсова книга – 2; журнал П. Гардона – 1; источники, изданные в «Древней Российской Вивлиофике» – 4; документы английских путешественников, опубликованные Р. Хаклюйтом – 1; ландкарты – 1; автобиография А. Л. Левенгаупта – 1; свидетельства Миллера автобиографического характера – 1; эпиграфические памятники (надписи с надгробий Романовых в Ново-Спасском монастыре) – 1; рукописная история Петра I, написанная Ф. И. Соймоновым – 1; документы, изданные в Польше – 3; ссылки на неидентифицированные документы – 6.

На самом деле общее количество использованных исторических источников, как минимум, на порядок больше. В тексте имеются многочисленные ссылки на родословные книги, духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, жалованные грамоты, а также международные мирные договора, статейные списки, царские указы и циркулярные грамоты, брачные договоры («рядные записи»), реляции послов, материалы следственных дел, надписи с надгробий Шереметевых, захороненных в Московском Богоявленском монастыре, в Никольской церкви в Гнездицах и другие, впервые вводимые в научный оборот свидетельства бурной петровской эпохи. Таким образом, глубина эмпирической базы в монографическом по жанру предисловии Миллера к письмам Петра I исключительно велика, или, говоря иначе, – плотность обоснования каждого фактического положения, выдвигаемого историком, максимально возможна для такого типа научного исследования. Столь же внушительна историографическая база, представленная 16 авторами как отечественными (Д. К. Кантемир, Феофан Прокопович, М. М. Щербатов), так и трудами зарубежных (шведских, французских, немецких) историков и археографов – Г. Адлерфельд, Ф. М. Вольтер, Л. А. Гебгарди, Й. Нордберг и др.

Специалистам в области вспомогательных исторических дисциплин следовало бы обратить особое внимание на то, что в рассматриваемом сочинении Миллера видимо впервые на русском языке употребляется слово «дипломатика» как термин, обозначающий историческую дисциплину⁶⁹. Рассказывая

⁶⁹ В плане изучения научного языка Миллера здесь фиксируются только те тексты, которые публиковались на русском языке в XVIII в., поскольку именно они оказывали соответствующее и непосредственное воздействие на развитие научного знания. Но при этом нельзя не отметить, что его «История Академии наук», писавшаяся в 1770-х гг. на немецком языке и впервые изданная на языке оригинала только в 1890 г., содержит примечательный фрагмент о сфрагистике. Рассказывая о том, как в первые годы существования Академии наук создавалась эмблема для академической печати и герба, он писал: «Прошу при том не принимать этих обстоятельств за какую-то не стоящую внимания малость. Великие ученые предпринимали *утомительные, но полезные исследования в области сфрагистики; все изучение старых документов зависит от этих исследований.* (курсив мой. – С. И.) Может прийти время, когда необходимым окажется изучать происхождение академической печати. Разве не будет полезным, если мы уже проделаем за наших преемников предварительную работу?» (Миллер. Избранные труды... С. 546).

об участии князя Я. К. Черкасского в сражении 1654 г. под Шкловом, Миллер ссылался на грамоту царя Алексея Михайловича и к этому месту сделал обширное подстрочное примечание, которое приводится здесь полностью:

Сия грамота, коей подлинник сохраняется в библиотеке Его Сиятельства, Господина Обер-Камергера [П. Б. Шереметева. – С. И.] достопамятна и по другому обстоятельству, о котором *любители Дипломатической науки* [курсив мой. – С. И.] не без удовольствия услышат. Российские Государи до ПЕТРА ВЕЛИКАГО грамот и указов своих никогда сами не подписывали, а подписывали иногда *Думные Дьяки*, а больше *Дьяки* тех Приказов из коих грамоты посылались. Когда на старинных жалованных грамотах, на обороте около середины столбца, написано было: *Государь царь и Великий Князь Имрек*, что незнающие прежних обыкновений за государеву руку почитали; оное было письмо *Думнаго Дьяка*, подносившаго дело в доклад Государю. В сей грамоте первая строка: *Князь Яков Куденетович с товарищи*, и три строки при конце грамоты, точно писаны рукою Государя Царя АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА, что сами оныя последния три строки доказывают, в коих написано: *да не осудите, что писано черно, да милость моя желательна к вам, а иотом здравствуйте. Верхняя строка и сии три строки наша Царская рука*. Можно себе представить, что в тогдашния времена сие за чрезвычайно великую милость почесть было должно. Остались у Его же Сиятельства Господина Обер-Камергера, два маленькия письмеца от Царя АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА, когда еще был Царевичем, к другому Князю *Черкасскому*, о коем упомянем ниже, красными чернилами, писанныя. Из сего разумеется, чего ради Государь пишучи к Князю *Якову Куденетовичу* требовал *не судить что писано черно*. Уповательно Государи, изъявляя к кому свою милость партикулярными письмами, употребляли на то красныя чернила, подобно как печати на красном воску черным предпочитаемы были, а красных может быть чернил в походе под *Смоленским* в готовности не было⁷⁰.

Публикации Миллером писем Петра I к Шереметеву, «Степенной книги» и другие его издания 1770-х гг. можно отнести к лучшим, вершинным образцам отечественной археографии XVIII в.⁷¹ Что касается рассматриваемой здесь проблемы, то из представленного материала и обильно цитированных фрагментов видна та исследовательская глубина и тщательность работы с историческими источниками, которые были присущи этому ученому. Какие бы работы на создавал Миллер, от эпической по масштабу «Истории Сибири» до бесконечного количества исторических заметок и эссе, он неизменно следовал критерию исторической достоверности, принципам строго выводного, истинного знания. Для исторических построений отсутствие доказательств (достоверных источников) означало принципиальную недопустимость логического перехода от возможности события к его действительности. Такая твердая позиция в свое время не осталась незамеченной С. В. Бахрушиным, наверное, одним из самых внимательных читателей трудов Миллера, который

⁷⁰ Миллер. Избранные труды... С. 322.

⁷¹ К середине 1770-х гг. прекращается активная издательская деятельность Миллера, но не исследовательская. Он по-прежнему выполнял одновременно несколько исследовательских и научно-организационных проектов, в том числе таких крупных, как написание истории Санкт-Петербургской академии наук.

писал о строгой научности критических методов и даже о своего рода революции в области исторической науки, совершенной ученым XVIII в.⁷² В текстах сочинений Миллера методы работы неизменно демонстрируются читателю и настолько естественно вплетены в ткань повествования, что подчас создается обманчивое представление об их отсутствии вовсе. Опубликованные работы Миллера всегда содержат несколько смыслообразующих пластов, и потому читать их надо внимательно, имея в виду, что в текстах историка нет места пустому и случайному.

Изучая творчество Миллера, легко заметить, что вопросы обоснования приобретали особую остроту при рассмотрении им сложных проблем, тем более дискуссионных: тогда доказательная база становилась не только обширней, но и занимала в произведении доминирующее положение. Таких тем в историографии XVIII в. образовалось немало, а одними из наиболее острых с середины столетия стали этногенез народов Российской империи, происхождение русских династий и др. Основные произведения ученого в этой области, опубликованные в сборнике «Избранных трудов» Г. Ф. Миллера, с позиции изучения генезиса исследовательских методов и процедур обоснования требуют специального рассмотрения. Отмечу только, что в данном контексте особый интерес представляет его книга «О народах издревле в России обитавших», изданная в 1773 г. в Санкт-Петербурге⁷³, которая вся состоит из доказательств и опровержений.

Таким образом, всего за полстолетия развития в России исторической науки был пройден огромный путь не только в формировании источниковой базы, но и в развитии исследовательских методов и процедур обоснования исторического знания, выработке модельных представлений о научном труде с соответствующим справочным и ссылочным аппаратом, нормами корректного цитирования и проч.⁷⁴ К 1770-м гг. в России сформировалась устойчи-

⁷² Бахрушин С. В. Г. Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер. История Сибири... С. 39.

⁷³ Все остальные произведения Миллера после 1765 г. выходили в Москве. В этой работе содержится фраза, позволяющая существенно уточнить участие Миллера в формировании термина «исторический источник». Критикуя сочинения современного шведского историка Олафа Далина, Миллер жестко писал: «как будто бы Шведская история может показать *чистейшие источники* (курсив мой. – С. И.), нежели каковые имеет Российская история в безпорочном своем *Несторе*» (Миллер. Избранные труды... С. 90). При подготовке опубликованной в 1986 г. статьи «О формировании термина “исторический источник” в русской научной литературе XVIII в.» этот текст был мною не замечен.

⁷⁴ Параметры журнальной статьи не позволяют подробно останавливаться на определяющей роли Миллера в формировании в русской научной литературе модельного типа научного исторического трактата – монографии, журнальной статьи, сборника, археографического издания с мотивированным обоснованием актуальности выполненного труда и историографическим анализом, описанием источниковой базы исследования, научно-справочным аппаратом. Так, не чураясь «черной» работы, он собственноручно составлял алфавитные реестры как к своим произведениям, так и к редактируемым им публикациям, включая журнальные издания, поскольку был совершенно убежден, что без этого «историческая книга совершенной в читателях пользы не производит» (Миллер. Избранные труды... С. 741). И дело здесь вовсе не в какой-то чрезмерной «ученой» педантичности. Миллер, наверное, как никто среди современников осознавал, что научным историческое исследование может быть только при условии проверяемости полученных результатов и выводов, а верифицируемость в работе историка определяется исключительно видимыми признаками аргументации в виде сносок, цитат, корректного понятийного аппарата и т. д.

вая практика археографических публикаций, построенных на строго научных методах. Вдохновителем, первым и ведущим участником всех этих основополагающих для развития русской исторической науки, для формирования исторической культуры процессов был академик Г. Ф. Миллер.

Пятьдесят одна и тридцать три (к юбилею профессора С. С. Илизарова)

33 года тому назад на страницах нашего журнала (тогда еще сборника статей) вышла первая публикация Симона Семеновича Илизарова. Его сотрудничество с журналом «Вопросы истории естествознания и техники» началось в 1977 г. с небольшой статьи «Вопросы топонимики в трудах В. Н. Татищева», одобренной тогда к изданию рецензентом, выдающимся географом и специалистом в области топонимики Э. М. Мурзаевым. За прошедшее время работы С. С. Илизарова публиковались на страницах ВИЕТ ровно пятьдесят раз.

Тематический репертуар и жанровое разнообразие этого исследователя чрезвычайно широки: от лапидарных хроникальных заметок в рубрике «Коротко о событиях» (кстати, им же придуманной в 1990 г.) до объемных, монографического характера, статей и документальных публикаций. Оставаясь приверженцем истории отечественной науки XVIII столетия, он свободно входит в изучение близкого XX в. Весом и разнообразен вклад Симона Семеновича в разработку проблем историографии и источниковедения истории науки и техники. Введенное им в практику регулярное интервьюирование историков науки и публикация этого специфического источника способствовали корпоративному единству историко-научного сообщества. Интервью с историками (Л. Грэхэм, О. А. Лежнева, Г. Е. Павлова, А. Ф. Плахотник, Л. И. Уварова и др.) содержали подчас совершенно уникальную информацию, неизменно привлекали пристальное внимание читателей нашего журнала; они также способствовали осознанию творческого наследия старшего поколения историков науки как неотъемлемой части общего культурного достояния.

На страницах нашего журнала увидели свет новаторские исследования С. С. Илизарова о жизни и творчестве великого русского ученого и просветителя XVIII в. академика Г. Ф. Миллера. Здесь впервые была показана глубокая и разнообразная связь этого ученого с Москвой и впервые изучен и обоснован его основополагающий вклад в становление в России истории науки как особого исследовательского направления. Публикуемая ныне статья (51-я!) также посвящена Миллеру и во многом является итоговой в многолетнем изучении С. С. Илизаровым этого неисчерпаемого и все еще недостаточно познанного научного и культурного феномена.

Нас, коллег Симона Семеновича, радует то, что пятая часть из всего опубликованного им увидела свет на страницах журнала ВИЕТ. По случаю его юбилея мы выражаем ему свою признательность за все, что он делает для нашего журнала и желаем новых творческих свершений.

Редколлегия и редакция